

КАЛМЫКИ ВЪ БОРЬБѢ СЪ ТУРЦІЕЙ

(Къ исторіи турецкихъ интригъ на Кавказѣ).

I. Изъ-за Салтанаульцевъ.

Съ самыхъ первыхъ дней нашего водворенія въ сѣверной части Кавказскаго перешейка послѣ покоренія Астрахани, правительство Порты Оттоманской постоянно домогалось распространить свое властное вліяніе на русскихъ подданныхъ магометанскаго закона даже тѣхъ, которые никогда не были подчинены Турціи и не признавали главенства стамбульскаго халифата. Особенно старалось оно оказать давленіе на такъ называемыхъ Салтанаульскихъ Татаръ, извѣстныхъ подъ именемъ Малаго Ногай, и обитавшихъ въ предгорьяхъ Кавказскаго хребта Черкесъ и Кабардинцевъ¹⁾.

Судя по „доношенію“ коллегіи иностр. дѣлъ сенату 28 Мая 1774 г., Ногайцы „издревле кочевали при Волгѣ въ подчиненіи астраханскаго хана“ и въ 1552 г. изъявили желаніе принять русское подданство, но потомъ во время Разинскаго возмущенія 1670 года, откочевали на Терекъ, а оттуда въ 1696 г. перешли на Кубань и „поддались хану крымскому“²⁾.

¹⁾ Кабардинцы, тѣ же Черкесы, составляющіе отрасль племени „Адыге“, извѣстную нашимъ отдаленнымъ иредкамъ подъ именемъ „Кософовъ“ („И Византію громили и съ Кософовъ брали дань“), которыхъ арабскіе писатели называли „Кешакъ“.

²⁾ Въ книгѣ Г. А. Ткачева „Гребенск., Терк. и Кизлярск. казаки“, стр. 32, поясняется безъ указанія источниковъ, что Малымъ Ногаемъ назывались „Казыевы улусы“, кочевавшіе на Кубани до Кумы и Маничей. Между тѣмъ, какъ видно по документамъ Москов. архива Иностр. дѣлъ, Казыевы улусы существовали еще въ 1569 г., когда Ногайцы и не помышляли уходить съ береговъ Волги. Въ книгѣ интересна еще такая подробность, будто въ 1633 году улусы эти громили Гребенск. и Терскіе (?) казаки съ терскимъ воеводою Турениновымъ, а ниже авторъ добавляетъ, что послѣдній умеръ до начала похода.

Благодаря этому, численность Закубанскихъ и Казыевскихъ Татаръ удвоилась, что дало возможность кубанскому сераскиру и крымскому хану усилить раззорительные набѣги на сосѣдніе черкесскія племена, считавшіяся со временъ Іоанна Грознаго въ русскомъ подданствѣ ¹⁾).

Въ 1688 г. сераскиръ Казы-Гирей съ огромной ратью не только прошелъ всю кабардинскую землю, но достигъ Терека и уничтожилъ городки тамошнихъ казаковъ. Черезъ 20 лѣтъ набѣгъ повторился, Крымцы подъ начальствомъ сераскира Эштекъ-Каипъ-Салтана дошли даже до Каспія.

Вслѣдствіе этого, обѣ Кабарды, Большая и Малая, были порабощены Крымцами, князя ихъ обезличены, державшіяся въ нѣкоторыхъ мѣстахъ христіанства народъ принужденъ былъ перейти въ магометанство, а исповѣдовавшіе язычество безпрекословно подчинились фанатическому ученію ислама. Правда, въ 1721 г. астраханскій губернаторъ А. П. Волинскій ²⁾ добился того, что области эти признали надъ собой власть русскаго императора, но за невозможностью, по недостатку пограничныхъ войскъ, защищать ихъ отъ татарскихъ набѣговъ, Петру Великому пришлось въ 1722 г. отказаться отъ этой мысли и въ договорѣ съ Турціей признать ихъ нейтральными.

Въ 1736 году открылась война съ Портой. Для нанесенія ей удара со стороны Кавказа были посланы на Кубань Калмыки съ Донскими казаками подъ начальствомъ хана Дондука-Омбо и войсковаго атамана Данилы Ефремова ³⁾. Имъ удалось отбить отъ Кубанцевъ салтанавльскихъ Татаръ, изъ коихъ „военныхъ людей болѣе 10 тыс. человекъ собиралось“. Они снова приняли русскаго подданство, ихъ перевели кочевать на прежнія мѣста между Терекомъ и Кумой, и

¹⁾ Пятигорскіе Черкесы подчинились Россіи въ 1552 г., Кабардинцы—въ 1557 г.

²⁾ „Царскій адъютантъ“, полковникъ, Артемій Петровичъ Волинскій, былъ первымъ астрах. губернаторомъ, послѣ отдѣленія вновь заведенной области отъ губерніи Казанской въ Іюнь 1719 г., и правилъ краемъ до конца 1724 г.

³⁾ Терскій „историкъ“ Г. А. Ткачевъ увѣряетъ (въ своей брошюрѣ „Гребенскіе, Терскіе и Кизлярскіе казаки“, 1911, стр. 204), безъ указанія источника, будто въ этомъ походѣ находилось по предписанію фельдмаршала Минниха 500 гребенскихъ казаковъ подъ начальствомъ атамановъ Ауки и Петрова. Въ главн. Москов. архивѣ м-ва иностр. дѣлъ (кабардин. корт. 1, № 1) есть точное указаніе, что 597 Гребенскихъ, Терскихъ и семейныхъ казаковъ были назначены въ походъ генераломъ Ласси, но на Кубань не дошли, вернулись съ дороги и никакого участія въ дѣлахъ съ Кубанцами вмѣстѣ съ Донцами и Калмыками не принимали.

„всѣ мурзы въ вѣрности учинили присяги и дали въ Кизлярскую крѣпость аманатовъ“¹⁾).

По договору съ Дондукомъ-Омбо, Ногайцы обизались, согласно прежнему обыкновению, платить Калмыкамъ дань по одной скотинѣ съ семьи. Но эта подать тяжело отзывалась на бѣдномъ классѣ населенія, почему въ 1738 году 700 кибитокъ ихъ ушло на Кубань, да „и о прочихъ имѣлось подозрѣніе“. Чтобы удержать послѣднихъ, Дондукъ просилъ коллегію иностр. дѣлъ перевести ихъ за Терекъ или въ другое какое мѣсто и, по указу Петра Великаго отъ 16 Апрѣля 1724 года, отдать ихъ въ полное распоряженіе Калмыковъ. Опасаясь, что они соединятся съ живущими на той сторонѣ этой рѣки горцами, „кои суть однозаконцы ихъ, мухамедане“, кабинетъ министровъ указалъ имъ мѣсто въ Терекскихъ устьяхъ за р. Кизляромъ, предписавъ взять въ Астрахань до 50 аманатовъ изъ лучшихъ мурзинскихъ дѣтей. Въ то же время находившемуся при калмыкахъ капитану гвардіи Андреяну Лопухину поручено было сказать „подъ рукою“ хану, чтобъ онъ, „разобравъ Ногайцевъ, раздѣлилъ ихъ по калмыцкимъ улусамъ“, для чего ему была обѣщана помощь казачьими войсками.²⁾

Требованіе правительства Дондукъ охотно вызвался исполнить и въ 1739 году вошелъ въ соглашеніе съ Донскимъ атаманомъ Данилой Ефремовымъ—„поймать знатныхъ салтанаульцевъ, половину отдать подъ охраненіе Россіянамъ, а другихъ умертвить и улусы ихъ перевести на Волгу или за Кизляръ“, „къ чему было назначено и время“. Но тутъ произошло такое обстоятельство, которое разомъ переѣнило намѣренія Дондука, чему отчасти было виною и русское правительство.

Во время своего бѣгства въ 1732 г. на Кубань, вслѣдствіе происходившихъ въ Калмыцкомъ народѣ волненій послѣ смерти хана Аюки, Дондукъ-Омбо, желая, видимо, прекратить всякія съ своей родиной сношенія, развелся съ своею женою, Калмычкою Соломъ и женился на дочери главнаго кабардинскаго владѣльца (князя) Магомета Коргокина, по имени Джанъ. Когда въ 1735 г. правительство вызвало его въ російскіе предѣлы, чтобы вручить ему управленіе калмыцкимъ народомъ,—послѣдняя прибыла съ нимъ на Волгу. Послѣ

1) Т. е. заложниковъ.

2) Въ указѣ этомъ говорилось: „калмыцкимъ владѣльцамъ ушедшихъ отъ нихъ Татаръ, когда оныя будутъ возвращены дѣлыми улусами, какъ то напередъ сего бывало, не держать, но раздѣлить всѣхъ врознь по калмыцкимъ улусамъ“ (Астрах. архивъ, см. вышеуказан. доношенія кол. иностр. дѣлъ).

удачнаго въ 1736 г. Кубанскаго похода, значеніе и власть Дондука упрочились: въ 1738 г. правительство признало его „дѣйствительнымъ ханомъ“,—желая обезпечить себѣ положеніе въ будущемъ и укрѣпить за своими малолѣтними дѣтьми право на наследованіе ханства послѣ престарѣлаго мужа,—молодая жена стала интриговать противъ своего пасынка Галданъ-Норбо, рожденнаго отъ Соломъ. Между отцомъ и сыномъ въ томъ же году она поселила „явную вражду“. Чтобы прекратить начавшееся смятеніе, императрица повелѣла схватить Галдана и отравила его въ заточеніе, по дорогѣ куда онъ умеръ¹⁾.

Послѣ этого Джанъ совсѣмъ овладѣла умомъ Дондука, заставивъ его отказаться отъ мысли завладѣть родственными салтанаулцами, за сына главнаго Мусы-мурзы которыхъ въ томъ же 1739 году вышла замужъ ея сестра. Убѣждаемый кабардинскими родичами, дѣйствовавшими по наущенію турецкимъ эмиссаровъ, Омбо оставилъ ихъ кочевать при Терекѣ, поручивъ „смотрѣніе“ надъ ними „шурьямъ“ своимъ Магомету Каргокину съ братьями, и только для отвода глазъ предъ пограничными русскими властями, были взяты „у бывшихъ тогда въ подозрѣніи“ ногайскихъ мурзь Марсура и Арсанбека двое сыновей въ аманаты. Но и они, воспользовавшись разразившимися въ слѣдующемъ году среди Калмыковъ послѣ смерти хана волненіями, покинули отданныхъ въ Кизляръ заложниками дѣтей и въ ста кибиткахъ ушли на Кубань²⁾.

Несмотря на всѣ пущенныя въ ходъ интриги, вдовѣ Джанъ не удалось завладѣть ханскимъ престоломъ. Жадные къ властолюбію таедши (владѣльцы) и ной-оны (князья) не согласились признать законными наследниками дѣтей ея, выставляя претендентомъ на ханское достоинство старшаго сына Галдана Цебекъ-Доржу. „яко внука хана Дондукъ-Омбо“. Междоусобія дошли до такихъ размѣровъ, что 700 кибитокъ изъ рода Тюмуть ушли за границу. Для прекращенія безпорядковъ какъ среди Калмыковъ, такъ и между салтанаулцами императрица Елисавета Петровна „прислала тайнаго совѣтника Татищева“³⁾, а для управленія калмыцкимъ народомъ, въ томъ же 1741 г.,

¹⁾ Изъ письма астрах. губернатора Ив. Сем. Захарова генераль-прокурору А. А. Беклемишеву отъ 30 Ноября 1799 г. (дѣло Астрахан. архива, № 268).—Послѣ Галдана остались три сына: Цебекъ-Доржи, Кирипъ и Аксагаль.

²⁾ Годъ кончины обозначается разно: въ донесеніи коллегіи иност. дѣлъ 28 Мая 1744 г. показывается 1740-й, въ письмѣ Захарова 1741-й.

³⁾ Василій Никитичъ Татищевъ (отецъ русской исторіи) началъ свою службу еще при Петрѣ I. Своей энергичной дѣятельностью особенно прославился онъ во время управленія Екатеринбургскими казенными заводами (1734—37), благодаря чему, послѣ смерти

былъ опредѣленъ намѣстникомъ ханства внукомъ перваго хана Аюки-Дондукъ-Даша. Интриговавшую же Джань, по высочайшему повелѣнію, отправили въ 1743 году въ Петроградъ, гдѣ она и воспріяла крещеніе подъ именемъ Вѣры, съ двумя дѣтьми Іоной и Алексѣемъ, ставшими потомъ родоначальниками извѣстной въ Россіи фамиліи князей Дондуковыхъ.

Къ салтанаульцамъ правительство командировало подполковника Карла Цейнера, который обнадѣжилъ ихъ освобожденіемъ отъ даваемой Калмыкамъ подати и склонилъ къ тому, что въ 1742 году мурзы прислали къ нашему двору депутатовъ съ прошеніями о подданствѣ. Вслѣдствіе этого, указанному офицеру повелѣно состоять при нихъ „для лучшаго въ вѣрности содержанія и примѣчанія поступковъ ихъ“, а губернатору Татищеву посланъ указъ, чтобы „черезъ Магомета Коргокина, братьевъ его и другимъ удобовозможнымъ способомъ“ старался онъ „тотъ салтанаульскій народъ поселить и утвердить въ подданствѣ Ея Императорскаго Величества“.

Въ противномъ случаѣ требовалось насильно перевести ихъ за Кизляръ или къ Астрахани на Волгу, взять „довольное число аманатовъ“ и, разобравъ по калмыцкимъ улусамъ, „раззорить и разграбить“, лишь бы не допустить „до принадлежащихъ къ Кубани земель“. Для приведенія этого плана въ „дѣйствіе“, предполагалось „употребить Донскихъ и Терскихъ казаковъ“ съ калмыцкимъ войскомъ, ради чего были заготовлены „въ запасъ“ указы астраханскому губернатору, намѣстнику ханства Калмыцкаго и донскому войсковому атаману.

Однако, несмотря на всѣ прилагаемыя мѣстными властями старанія, затѣя эта не удалась, вслѣдствіе интригъ со стороны Кабардинскихъ князей и „подзывать“ отъ Кубанскихъ султановъ, дѣйствовавшихъ согласно съ видами турецкаго правительства. Уговорившись съ владѣльцемъ Кабарды Арсланбекомъ Койтокинымъ, старшій Мусамурза „съ прочими“ оставили содержащихся въ Кизлярѣ аманатчиковъ и 29 Сентября 1742 г. бѣжали за Кубань. Въ предѣлахъ Кабардинскихъ осталось не больше 30 ауловъ, да и тѣ намѣревались при удобномъ случаѣ скрыться туда же.

ст. с. Кириллова, его назначили (10 Мая 1737 г.) командиромъ Оренбургской комиссіи, однако, подавить башкирское возстаніе (начавшееся еще въ 1735 г.) ему не удалось. Въ 1739 году среди Башкиръ появился самозванецъ Карасакаль, выдававшій себя за брата Зюнгорскаго (Калмыцкаго) хана Гайданъ-Чирна (по видимому, вышеноказаннаго Гадана-Норбо), почему на мѣсто Татищева былъ присланъ ген.-лейт. кн. Урусовъ. Назначенный въ 1741 г. астрах. губернаторомъ В. Н. управлялъ краемъ до 1745 года.

Правительство русское лишено было возможности принять какія либо принудительныя мѣры для обузданія такихъ дѣйствій кабардинскихъ князей, такъ какъ, согласно заключенному съ Турціей 18 Сентября 1739 г. Бѣлградскому трактату, объ Кабарды и весь кабардинскій народъ были признаны вольными и неподчиненными ни Портѣ Оттоманской, ни Россіи, „служба, какъ бы барьеромъ“ между обѣими имперіями. И хотя, „по древнему обыкновенію, для спокойнаго ихъ пребыванія“, положено было „содержать отъ нихъ аманатовъ“ тамъ и здѣсь, а въ случаѣ обнаруженія причинъ къ неудовольствію, наказывать каждой изъ договорившихся сторонъ, но въ дѣйствительности ничего подобнаго не соблюдалось. Турція свободно чинила надъ поступками кабардинцевъ крутыя расправы чрезъ Кубанскаго сераскира или Крымскаго хана. Тогда какъ Россія для наказанія виновныхъ должна была сноситься съ Портой, всегда елико возможно обѣявшей своихъ единовѣрцевъ.

Для захвата Ногайцевъ весною 1743 года были посланы въ Кабарду Калмыки и казаки, которые перевели ихъ къ устьямъ Терека, но они и оттуда продолжали дѣлать за Кубань побѣги. Пришлось перегнать ихъ на Волгу, гдѣ 2809 человекъ изъ нихъ отдали для распредѣленія по калмыцкимъ улусамъ, 1162—удержали при Астрахани, а 126 дѣтей раздали разнымъ людямъ „въ службу“.

14 Января 1744 г. Коллегія иностр. дѣлъ предписала Татищеву отправить ихъ въ Казанскую губернію для поселенія мурзь и знатныхъ старшинъ при Казани въ Татарской слободѣ съ надѣленіемъ, „буде есть, порожними землями“, а прочихъ всѣхъ раздать на нагорной сторонѣ Волги въ Свіяжскомъ уѣздѣ по деревнямъ тамошнимъ татарскимъ мурзамъ въ вѣчное владѣніе. „И для того.—указывалось,—отправить изъ Астрахани до Царицына людей въ судахъ водянымъ путемъ съ пристойнымъ конвоемъ, а скотъ съ нѣсколькими ихъ служителями и безопаснымъ конвоемъ—сухимъ путемъ. А отъ Царицына отправить ихъ и скоты при нихъ до Свіяжска по Нагорной сторонѣ съ крѣпкимъ конвоемъ“.

В. И. Татищеву было предложено „учинить распредѣленіе“, сколько изъ нихъ могло прожить въ Казани, безъ надѣленія „землями, ежели тамъ порожнихъ не сыщется“, и сколько раздать свіяжскимъ мурзамъ. Тѣхъ изъ „разданныхъ“ ребятъ, которые еще не крещены, отдать отцамъ и матерямъ; крещенныхъ же и тѣхъ, которые, „за отдачею ихъ отцовъ и матерей Калмыкамъ“, осиротѣли, мужескаго пола взрослыхъ опредѣлить въ солдаты въ Архангелогородскій и Рижскій гарни-

зоны, а малолѣтнихъ отослать туда же въ солдатскія школы. „Дѣвокъ крещенныхъ раздать тамошнимъ (очевидно, астраханскимъ) офицерамъ и дворянамъ, которые суть россійскаго закона, а иновѣрцамъ, яко то: Армянамъ и другимъ, никому не отдавать“.

16 Марта губернаторъ доставилъ въ коллегію иностр. дѣлъ „вѣдомость“, по которой было назначено въ Казанскую Татарскую слободу мурзъ „съ фамиліями“ муж. пола 33, женс. 37, служителей ихъ муж. 40, жен. п. 39; старшинъ муж. 201, жен. 57, служителей при нихъ муж. 30, жен. 36, а всего 568 чел.; для раздачи свѣяжцамъ: мурзинскихъ и старшинскихъ служителей муж. п. 128, жен. 133, аульныхъ людей муж. 152, жен. 138, итого 280 мужч. и 271 женщ., а всѣхъ 1119 челов. „Да ребятъ, отцы и матери которыхъ отданы Калмыкамъ“, опредѣлилъ онъ въ солдаты 30 и въ школу 43 челов. Но сколько подлежало къ раздачѣ „дѣвокъ“, о томъ почему то не было доставлено свѣдѣній. Коллегія согласилась съ этимъ распредѣленіемъ и вошла съ „доношеніемъ“ въ сенатъ объ приведеніи въ исполненіе проектированной мѣры.

II. Изъ-за Кабардинцевъ.

Послѣ этого, Закубанскія орды и Кабардинцы, какъ будто при-
смирѣли и долгое время не дѣлали нашимъ пограничнымъ поселеніямъ
предерзостей. Напротивъ нѣкоторые изъ послѣднихъ просили даже
русское правительство, для лучшаго обращенія горцевъ въ христиан-
ство, построить близъ ихъ владѣній, на лѣвомъ берегу Терека, въ
урочищѣ Моздогу (т. е. дремучій лѣсъ), укрѣпленное селеніе. И того
же года, 17 Іюля, князь Малой Кабарды Коргока Кончокинъ принялъ
въ Кизлярѣ православную вѣру съ именемъ Андрея Ивановича, а 9
Сентября крестились: его жена Коншофа, подъ именемъ Вѣры, дочери
Надежда и Любовь, сынъ Николай, сестра Александра и одинъ Черке-
шенія, которые первыми основались на отведенномъ мѣстѣ. Въ те-
ченіе посѣдующихъ лѣтъ къ нимъ присоединились девять крещеныхъ
Осетинъ и 7-мъ Осетинокъ, 2 грузинскихъ священника съ 89 м. и
и 65 ж. пола одноплеменниками и Армяне: 1 священникъ съ 26 при-
хожанами муж. п. и 29 ж. пола. Тогда правительство рѣшило по-
строить тутъ крѣпость для защиты вновь поселяемыхъ и огражденія отъ
кубанскихъ и горскихъ набѣговъ другихъ пограничныхъ русскихъ
селеній.

Распоряженіе это, однако, не понравилось прочимъ владѣльцамъ
Кабарды и особенно турецкому правительству, узнавшему откуда то,

что, кромѣ Моздокскаго, Россія строитъ еще три укрѣпленія „по край кабардинскихъ владѣній“. Нашему резиденту въ Константинополь было предъявлено настойчивое требованіе объ уничтоженіи этихъ крѣпостей, угрожая въ противномъ случаѣ открытіемъ военныхъ дѣйствій.

Дѣйствительно, въ Іюнь 1765 года кубанскій Мурза Цокуръ-Аджи Росланбекомъ съ 4 тысячной партіей появился на р. Кумѣ, намѣреваясь сдѣлать нападеніе на Моздокъ, Кизляръ и Казачьи городки по Тереку. Къ нимъ присоединились Кабардинцы. Но попытка эта не удалась. Высланные 6000 казаковъ съ Дона, столько же Калмыковъ и 500 волжскихъ казаковъ не позволили имъ произвести разореній ни въ этомъ, ни въ послѣдующихъ годахъ¹⁾.

Кубанская орда отхлынула. Но Кабардинцы не унимались. 10 Мая 1765 г. Кизлярскій комендантъ Потаповъ доносилъ военной коллегіи, что, по случаю заведенія поселенія въ Моздокъ, они намѣреваются переселиться на Кубань по близости ногайскихъ жилищъ²⁾ и, сообщившись съ тамошними мурзами, начинаютъ дѣлать въ російскія границы злодѣйскіе побѣги. Одна изъ ихъ партій, соединившись съ темиргойцами, въ Апрѣлѣ, выше Моздока, на урочищѣ Ерашты въ Ханжинскомъ куту, побила шестерыхъ гребенскихъ казаковъ.

Чѣмъ дальше, тѣмъ больше и настойчивѣе предъявляли они къ Россіи разныя требованія въ полной надеждѣ, что порта оттоманская поддержитъ ихъ домогательства и угрозами принудитъ русское правительство исполнить таковыя. И на самомъ дѣлѣ, большинство кабардинскихъ притязаній, какъ ни странно, выполнялось нами, ради поддержанія добрососѣдскихъ отношеній съ Турціей. Но такая миролюбивая политика вела лишь къ вреду и большему нашему униженію, ибо горскія племена, видя уступчивость русскихъ властей, еще злѣе и наглѣе обижали пограничныхъ поселенцевъ, нанося имъ постоянные уруны захвагомъ людей, скота и лучшихъ шахотныхъ и пастбищныхъ мѣстъ. Незадолго до войны съ Турціей Кабардинцы плѣнили 14 донскихъ, гребенскихъ и кизлярскихъ казаковъ и отогнали 75 казачьихъ коней.

Свои притязанія объ уничтоженіи Моздокскаго селенія объявляли они тѣмъ, что туда скрываются бѣжавшіе отъ нихъ холопы и подлые люди, а также находятъ тамъ пріютъ принимающіе христіанскую вѣру Осетинцы и Ингуши, кои издавна ихъ подданными состояли.

¹⁾ Астрах. архивъ дѣла №№ 594 и 597 за 1765 г.

²⁾ Тѣхъ самыхъ салтанаульскихъ Татаръ, которые бѣжали туда изъ ихъ предѣловъ въ 1741—42 г.

Однако, вмѣсто того, чтобы обуздать ихъ наглые поступки, правительство наше старалось ихъ обнадеживать. При первыхъ признакахъ войны, коллегія иностр. дѣлъ предписывала (26 Октября 1768 года) кизлярскому коменданту Потапову взять мѣры, дабы Кабардинцы „не пристали къ противной сторонѣ“. „Когда же война точно разрѣшилась“, то другимъ указомъ отъ 16 Ноября было предложено ему „употребить стараніе отторгнуть и горскихъ жителей, зарѣкою Кубанью живущихъ, для ослабленія непріятельскихъ силъ отъ сообщества съ кубанскими Татарами и преклонить ихъ въ здѣшнее подданство, представляя имъ разныя выгоды, какихъ они, будучи въ подчиненіи хановъ Крымскихъ, никогда имѣть не могутъ“¹⁾.

Для этого рекомендовалось дѣлать имъ „всяческія приласканія“. Но горцы и безъ того чувствовали свое положеніе не совсѣмъ прочнымъ, по полученіи извѣстій о разрывѣ дипломатическихъ сношеній Россіи съ Портой, ибо, по прежнимъ примѣрамъ, знали хорошо, что Турція только въ мирное время храбрилась на словахъ, а на дѣлѣ, въ трудныя години, никогда не оказывала имъ помощи, заботясь лишь о защитѣ своихъ владѣній. Они понимали, что русское правительство не ограничится одной борьбой съ оттоманами, но постарается смирить и ихъ приспѣшниковъ.

Кабардинскіе владѣльцы послѣ этого сразу понизили тонъ. Вмѣсто требованія о возвратѣ принимаемыхъ въ Моздокъ для крещенія холопей ихъ, они „искали (писаль 2 Декабря ген.-м. Потаповъ) быть по прежнему въ протекціи Ея И. В-ва“, прося только, чтобы природные ихъ люди Черкесы имъ возвращались, напротивъ того Армянъ и Грузинцовъ, отъ нихъ такъ же бѣгающимъ, какъ природныхъ христіанъ, никогда не требуютъ, ровно какъ и изъ Кабардинцевъ каждому свободному человѣку вступать въ христіанской законъ отъ собственнаго произволенія и впредь зависѣть имѣть, въ чемъ сіи владѣльцы общаются и споровъ не дѣлать“²⁾.

Чтобы скорѣе добиться желаемого, они обратились къ заступничеству намѣстника ханства калмыцкаго Убашѣ³⁾, обѣщая „съ вершинъ р. Кумы, куда удалились въ сосѣдство къ кубанскимъ Татарамъ“, назадъ перейти „на старыя мѣста къ рѣчкѣ Баксану и противъ непріятелей здѣшнихъ служить“ хотять.

1) Изъ указа коллегіи иностр. дѣлъ Потапову 11 Марта 1769 года.

2) Ук. коллег. ин. д. Потапову 15 Января 1768 г.

3) Сынъ Дондука-Даша, назначенный правителемъ Калмыцкаго народа послѣ смерти послѣдняго въ 1761 году.

Правительство русское понимало, конечно, откуда явилось у нихъ вдругъ такое доброжелательство, ибо до настоящаго момента „будучи удостовѣрены, что продолжавшимся между Всероссійской Имперіей и Портой Оттоманской трактатомъ наказаніе за продерзости зависѣло отъ обоихъ дворовъ“, они держали себя высокомѣрно. Сомнѣнія нѣтъ, поясняла, коллегія иностр. дѣлъ Потапову, „нынѣшнее ихъ желаніе происходитъ не столько по склонности, сколько отъ заботы предварить угрожаемую имъ опасность, ибо они помнятъ, коль сильно въ послѣднюю войну Кубанцы отъ Калмыкъ поражаемы были, какого жребія нынѣ и себѣ ожидать имѣли бѣ, есть ли бѣ остались въ сообществѣ съ турецкими подданными“.

Признавая указомъ 15 Января 1769 г. лишеніе холопей для нихъ обстоятельствомъ тягостнымъ, тогда какъ „пользы для здѣшней стороны отъ такихъ подлыхъ и по большей части ни къ чему негодныхъ людей нѣтъ почти никакой“,—коллегія предложила Кизлярскому коменданту удостовѣрить ихъ въ милостивомъ Ея В-ва изволеніи на прошеніе ихъ, касающееся до бѣгающихъ отъ нихъ холопей, „выключая, однако-жъ, изъ того христіанъ природныхъ и тѣхъ, кои, будучи признаваемы добрыми людьми, похотятъ безкорыстно креститься, и наконецъ и для изъясненія съ ними, что они будутъ дѣлать при настоящей войнѣ,— и въ чемъ поспособствовать нашей сторонѣ, отправить къ нимъ нарочнаго съ вашимъ письмомъ, которое вы такъ расположите, чтобы содержаніе оногo, хотя и въ увѣренныхъ израженіяхъ, состояло, но отнюдь не льстило ихъ гордости, а напротивъ того долженствовали-бъ они единственно причитать оказанную имъ нынѣ милость природному Ея Императорскаго Величества великодушію и уваженію прежней изъ вѣрности. Но при томъ можете вы къ тѣмъ изъ нихъ, которые больше другихъ въ семь дѣлъ старались, послать отъ вашего имени нѣкоторые въ приласканіе подарки, по разсмотрѣнію вашему, и буде бы вздумали они одного изъ себя отправить сюда ко двору Ея Императорскаго Величества для толь лучшаго удостовѣренія и засвидѣтельствованія благородности своей,—вамъ надлежитъ немедленно его сюда отпустить, не дѣлая ни малѣйшаго затрудненія“. ¹⁾

¹⁾ У. С. М. Соловьева (въ „Исторіи Россіи“ т. XXVIII, стр. 574) рассказываетъ, что „Кабардинцы начали покоряться“ послѣ побѣды Калмыковъ надъ Кубанцами въ Апрель 1769 г., но какъ изъ этого указа, такъ изъ ниже приводимыхъ данныхъ явствуетъ, что свою покорность Россіи они заявили гораздо раньше.—Кстати сказать, у него нѣтъ никакихъ ссылокъ на печатаемые впервые рескрипты и грамоты намѣстнику Убалѣ и генералу Медему.

Въ этихъ видахъ Потапову дано было знать, что война съ Турціей не только объявлена, но уже сдѣлано распоряженіе объ отправкѣ войскъ на европейскую границу, подъ начальствомъ графа Румянцова, а „воинскій поискъ противъ Кубанскихъ народовъ“ препорученъ начальнику Кавказской линіи ген.-м. Медему, которому вмѣстѣ съ правителемъ Калмыцкаго народа были посланы слѣдующіе высочайшіе рескриптъ и грамота „по секрету“:

1.

„Божіею милостію мы Екатерина вторая, Императрица и самодержица всероссійская, и прочая, и прочая, и прочая.

„Нашего Императорскаго величества вѣрноподданному намѣстнику ханства Калмыцкаго Убашѣ, прочимъ владѣльцамъ, судьямъ общенароднаго правительства, зайсангамъ и всему народу—Наша Императорская милость.

„Мы, великая Государыня, Наше Императорское Величество, дали уже тебѣ, Нашему вѣрному подданному, всевысочайшее повелѣніе, отъ 31-го Декабря минувшаго 1768-го года, о нарядѣ и объ отправленіи къ нашей арміи, имѣющей быть подъ командою генерала-аншефа графа Румянцова, двадцати тысячъ калмыцкаго войска, а настоящимъ указомъ повелѣвается: всеми калмыцкими силами, сколько можетъ собраться за отправленіемъ онаго войска, дѣйствовать противъ живущихъ на Кубани и въ тамошнихъ горахъ турецкихъ подданныхъ, стараясь всякой вредъ имъ причинить, и не только обезсилить, но и вовсе истребить.

„Здѣсь не предписывается ни время, ни мѣсто, когда и откуда поиски начаты и съ лутчею удобностію производимы быть могутъ,—встрѣчающіяся обстоятельства, по полученіи сего Нашего великой Государыни указа, и неутомленное попеченіе, чтобы оными воспользоваться и чтобы укрыть отъ прежде-временнаго разглашенія пріемлемыя противъ непріятели намѣренія, имѣютъ быть руководствомъ при такихъ предпріятіяхъ.

„Между тѣмъ, дабы ничего не оставить, что служить имѣетъ къ полученію желаемыхъ успѣховъ, то Калмыки, гдѣ нужда востребуется, подкрѣпляемы будутъ камандою регулярныхъ войскъ, пушками снабженнаго, а сверхъ того и казаками, подъ предводительствомъ нашего генерала маіора Медема, которой съ кизлярской стороны соединится съ калмыцкими войсками, коль скоро потребныя къ тому учинятся,

и съ которымъ мы, великая Государыня, Наше Императорское величество, повелѣваемъ тебѣ, нашему вѣрному подданному, во всемъ общія мѣры принимать и соглашаться. Сверхъ того и съ донской стороны Калмыки пособствуемы быть имѣють, по распоряженію онаго генерала майора.

„Есть ли до отправленія къ нашей арміи двадцати тысячъ, слѣдовательно до наступленія весны, можно будетъ успѣть нѣкоторыя предпріятія въ разсужденіи турецкихъ подданныхъ, на Кубани живущихъ, произвести въ дѣйство, и употребленіе къ тому всехъ калмыцкихъ войскъ, въ томъ числѣ и тѣхъ двадцати тысячъ, которыя къ арміи нашей назначены, не воспрепятствуетъ,—однако жъ, нисколько благовременному сихъ послѣднихъ походу, объ отправленіи которыхъ безъ всякаго замедленія, по самой первой травѣ или и прежде; когда старою лошади съ начала прокормлены быть могутъ, и чрезъ сіе вновь наиточнѣйше подтверждается на то тебѣ, хотя дозволеніе и дается, но не иначе, какъ съ тѣмъ, чтобъ послѣднее намѣреніе въ исполненіи перваго, то есть касающагося до отправленія къ арміи нашей повелѣннаго числа войскъ, отнюдь ни малѣйшей остановки не причинило.

„Во все продолженіе послѣдней между Нашею Имперіею и Портою Отоманскою войны, тогдашній ханъ Дондукъ-Омбо не переходилъ на луговую сторону, но весь калмыцкой народъ располагался на горной при Кумѣ рѣкѣ, около Дону, при водахъ и рѣчкахъ, въ степи протекающихъ, а иногда и въ самыхъ тѣхъ мѣстахъ, съ которыхъ прогонялъ кубанскихъ Татаръ,—а такимъ своимъ расположеніемъ, при нужной предосторожности, и находился въ состояніи всеми случаями пользоваться къ учиненію неприятелю вреда съ удобностію и съ успѣхами, и препятствуемъ не былъ въ немедленномъ Калмыкъ и арміямъ отправленій. Сверхъ того пребываніе всего народа на Горной сторонѣ служило къ прикрытію лежащихъ по Волгѣ, Тереку и Дону рѣкамъ и Россійскихъ жилищъ.

„А какъ нужно и при настоящей войнѣ тѣ же виды имѣть и справедливо, чтобы наши подданные, одни другимъ, всемъ тѣмъ, сколько отъ которыхъ зависѣть можетъ, способствовали въ безопасности, особливо когда одни, то есть Калмыки, единственнымъ своимъ расположеніемъ жилища другихъ охранить могутъ, въ томъ числѣ и такихъ, которыя между тѣмъ въ службѣ нашей упражнены будутъ, а сами они не только въ порученныхъ и имъ военныхъ противъ Кубанцевъ дѣйствіяхъ не воспрепятствуются, но еще лутчею къ тому удобность возымѣють и въ прокормленіи скота своего, по примѣру,

бывшему при Ханѣ Дондукъ Омбѣ, никакой нужды не претерпѣть,— то въ слѣдствіе всѣхъ такихъ уваженій и повелѣвается тебѣ, нашему вѣрному подданному, впредь до другаго нашего высочайшаго указа со всѣмъ Калмыцкимъ народомъ остаться на горной сторонѣ, забравъ тотъ часъ, по полученіи сего, всѣхъ Калмыкъ, которые понынѣ еще на Луговой сторонѣ¹⁾ паче чаянія находиться могутъ, и гдѣ въ нихъ ни молѣйшей потребности нѣтъ и не будетъ,—оставаясь учрежденнымъ по Яику форпостамъ предохранять лежащія на сей послѣдней сторонѣ жилища отъ Киргизъ-касака, которые, однако жъ, нынѣ въ спокойномъ состояніи находятся.

„Когда и гдѣ Калмыцкимъ улусамъ располагаться на Горной сторонѣ,—сіе будетъ зависѣть отъ соображенія выгодныхъ мѣстъ, съ обстоятельствами каждаго времени, большей или меньшей предосторожности, отъ непріятельскихъ покушеній и замысловъ требовать могущими,—однимъ словомъ, надобно будетъ при томъ стараться, чтобъ Калмыцкіе улусы и всѣ крайнія жилища оставались въ безопасности, и непріатели никакой и ни въ чемъ удачи имѣть не могли.

„Мы Великая Государыня, Наше Императорское величество, въ совершенной находимся надеждѣ, что ты, по всеподданнѣйшей должности твоей, по извѣстной къ намъ Великой Гр-нѣ усердію и вѣрности и по производящей и собственно для Калмыцкаго народа изъ того пользѣ, чтобъ непріятель какъ наискорѣя устранишь, ослабленъ и разсѣянъ былъ,—употребишь, неусыпиде къ тому стараніе, предусматривая всѣ способы и приемы самыя надежныя мѣры, чѣмъ достойнымъ себя и учинишь особливаго нашего монаршаго благоволенія, а калмыцкіе владѣльцы, имѣя тѣ жъ самыя побуждающія и одолающія ихъ причины къ нашей службѣ, поступятъ единодушно, исполняя отдаваемые имъ приказы съ охотою и безъ прекословія,—вообще же все войско окажетъ опыты храбрости и мужества, имѣя въ томъ руководство и примѣры отъ своихъ начальниковъ.

„Вся получаемая Калмыками добыча, какого бы она званія ни была, оставляется имъ, равно какъ и плѣнники, кромѣ самыхъ знатныхъ людей. Сверхъ того и особое награжденіе учинено быть можетъ, есть ли въ самомъ дѣлѣ ревностную къ намъ, великой Гдр-нѣ окажутъ службу. О чемъ имѣешь ты, вступая въ полки противъ Кубанцевъ, во всемъ войскѣ обнародовать и владѣльцевъ и протчихъ

---

¹⁾ Луговая—лѣвая сторона Волги, правая—нагорная, граничащая съ Придонскими и Кизлярскими (притеречными) степями.

начальниковъ обнадежить всевысочайшею нашею Императорскою милостию, съ какою мы къ тебѣ и къ нимъ ко всѣмъ и нынѣ благосклонны пребываемъ. Данъ въ Санктъ Петербургѣ 15-го Генваря 1769-го года. Подлинная за Государственною печатью.“

„На концептъ сей грамоты подписано собственною Ея И. В-ва рукою въ 15 день Генваря 1769 года тако: „*Быть по сему*“.

2.

„Божіею Милостию Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица всероссійская, и пр., и пр., и прочая.

„Нашему генералъ-маіору Меду.“

„Мы заблагоразсудили произведеніе воинскихъ чрезъ Калмыкъ поисковъ противъ живущихъ на Кубани турецкихъ подданныхъ, для принятія въ томъ надежнѣйшихъ мѣръ и полученія толь лучшихъ успѣховъ поручить въ ваше руководство и предводительство, почему и надлежитъ вамъ съ возможнымъ поспѣшеніемъ ѣхать въ Кизляръ.

„Доставленіе безопасности въ продолженіе съ Портою Оттоманскою войны, въ разсужденіи лежащихъ по Волгѣ, Терку и Дону жилищъ, есть главнѣйшее въ семъ случаѣ намѣреніе.

„Находящіеся въ Кубанской сторонѣ народы, нѣкоторые живутъ въ горахъ въ крѣпкихъ мѣстахъ и называются Бесленейцы, Башилбайцы, Темиргойцы, Атугайцы, Заны, Пшадухи; прочихъ пребываніе подъ горами и называются вообще кубанскими Татарами.

„Но сколько одни отъ другихъ въ образѣ житія своего ни рознятся, ибо горцы имѣютъ дома, а Татары кочуютъ—одинакая, однако же, во всѣхъ склонность къ хищеніямъ; слѣдовательно, и опасность отъ всѣхъ при настоящей войнѣ равномѣрная, а изъ того и происходитъ нужда употребленія предосторожностей противъ ихъ покушеній, и чтобъ какъ наискорѣя привести самихъ въ страхъ сильными пораженіями.

„Возженіемъ между ими огня, внутреннихъ несогласій и внушеннымъ въ нѣкоторыхъ желаніемъ вступить въ наше подданство, тамошняія непріятельскія силы, которыя, при общемъ всѣхъ народовъ совокупленіи, имѣютъ быть не малыя; отчасти такъ же уменьшатся. Но пока сіи хищные народы не увидятъ страха,—едва ли подадутъ на такія мысли.

„Можетъ быть, надобно будетъ и для того держать надъ ихъ головами мечъ и, употребляя оный или противъ всѣхъ, или по разбору для устрашенія и прочихъ, стараться въ то жь время искусныя и ласкательныя дѣлать имъ предложенія.

„Удачность производимыхъ противъ ихъ поисковъ, по крѣпости мѣсть, въ которыхъ во время нужды и Татары убѣжища искать будутъ, какъ зависить больше отъ того, чтобъ высматривать удобное время и притворными движеніями ихъ наружу выманить, будучи и опасно и излишно, безъ крайней надобности и безъ предварительнаго удостовѣренія о успѣхѣ,—въ ущелья вдаваться, такъ и при податности являемой нѣкоторыми изъ нихъ принять нашу протекцію,—крайнее предусмотрѣніе употреблять надобно, чтобъ напротивъ того не обмануться и, принимая притворство за правду, не пропустить иногда такого случая, который между тѣмъ представляться будетъ къ одержанію подъ ними выгодъ, ибо они сколь хищны, столь и коварны и непостоянны.

„Присовокупленіе къ нашей имперіи всего Кубанскаго края, буде можетъ, учинится, то не по склонности тамошнихъ народовъ, но по успѣхамъ нашего оружія противъ главнѣйшихъ непріятельскихъ силъ и по уступкѣ отъ Порты Отоманской.

„Употребляемое потому съ вашей стороны стараніе о склоненіи изъ Кубанскихъ народовъ въ нашу протекцію, по большей части, тѣмъ оканчиваться долженствуетъ, чтобъ разномыслиемъ ихъ, ваши предпріятія облегчались противъ тѣхъ изъ нихъ, которые, однако же, непріятелями останутся.

„Но есть ли со всѣмъ тѣмъ въ тамошнихъ народахъ произошло бѣ общее произволеніе учиниться нашими подданными, то сіе важное обстоятельство, какъ облеглающее уже и самое присовокупленіе къ нашей имперіи обитаемаго ими пространства земли, Чернымъ моремъ отъ Турецкаго владѣнія ограничивающагося, конечно, съ нашей стороны все вниманіе заслуживало бѣ.

„Легко можно будетъ разобрать истинность ихъ намѣренія предлагаемыми при томъ отъ нихъ условіями и ихъ того времени поведеніемъ и обращеніями.

„Калмыки, коихъ соберется для поисковъ безъ сумнѣнія весьма великое число, чтобъ съ успѣхомъ дѣйствовать могли, требуютъ по состоянію своему и одобренія, и дѣйствительнаго подкрѣпленія.

„Понинѣ было всему отъ Кизлярской крѣпости зависящему краю опасность отъ набѣговъ съ Кубани, потому что Кабардинскіе владѣльцы, которые тутъ живутъ, гдѣ здѣшнія мѣста оканчиваются, хотя могли по такому положенію своему, набѣгамъ препятствовать,—имѣли между тѣмъ свои причины нашею стороною не весьма быть довольными. Но теперь, когда на ихъ прошеніе сдѣлано уже снисхожденіе, о чемъ о всемъ усмотрите вы изъ приложенной при семь копій съ отправленнаго изъ нашей коллегіи иностранныхъ дѣлъ указа къ Кизлярскому коменданту генералъ-маіору Потапову¹⁾, а такимъ образомъ бывшая опасность оканчивается тѣмъ, паче, что и Кубанцы заняты будутъ работою собственной обороны,—имѣете вы,—потому, что въ Кизлярской сторонѣ особливо въ войнѣ нужды нѣтъ, которая и вашими движеніями будетъ прикрываться,—взять въ вашу команду изъ назначеннаго въ Кизляръ Драгунскаго полку три эскадрона, съ принадлежащими къ сему полку пушками, да три жъ эскадрона изъ находящагося уже дѣйствительно тамъ гусарскаго, чтобъ у коменданта въ его распоряженіи, сверхъ гарнизона, изъ обоихъ полковъ по два эскадрона осталось,—а затѣмъ взять еще въ ваше вѣдомство и назначенныхъ въ Кизляръ же пять сотъ человекъ волскихъ казаковъ и пять сотъ Яицкихъ казаковъ. Сверхъ того изъ Гребенскихъ, семейныхъ и терскихъ сколько мѣстъ ихъ охраненіе дозволить, а равнымъ образомъ и изъ жителей новозаведеннаго при рѣкѣ Теркѣ въ урочищѣ Моздокѣ селенія, состоящихъ изъ крещеныхъ горцевъ, Грузинцевъ и Армянъ охотниковъ; и потомъ выступить въ походъ, коль скоро исправитесь и возможно будетъ для соединенія съ калмыцкими войсками, согласясь о мѣстѣ предварительно съ намѣстникомъ ханства чрезъ находящагося при немъ подполковника Кишенскова, которой, что до воинскихъ поисковъ касается, отъ васъ зависѣть имѣеть.

„Въ прибавокъ къ двумъ пушкамъ, которыя будутъ при трехъ эскадронахъ драгунскаго полка, взять для трехъ эскадроновъ гусарскаго двѣ же пушки съ принадлежащими къ нимъ людьми отъ драгунскаго полку, въ Астрахань назначеннаго; а сверхъ того и еще нѣсколько орудій, по вашему разсужденію, есть ли пристойныя въ Кизлярѣ найтися могутъ. Въ прочемъ всѣхъ нужныхъ вещей, которыхъ въ Кизлярѣ не достасть и исправить тамъ будетъ не можно, требовать вамъ отъ астраханскаго нашего губернатора, генералъ-маіора Бекетова; но затѣмъ, однако же, выступленіемъ не медлить, ибо вещи, которыя меньше другихъ нужны, могутъ къ вамъ и въ степь доставлены быть.

¹⁾ Указъ этотъ приведенъ выше.

„Для возки за вами провіанта употребить Кизлярскихъ аульныхъ Татаръ съ ихъ лошадьми, сколько будетъ потребно, по наряду чрезъ Кизлярскаго коменданта.

„Когда какіе поиски съ удобностію предпріяты быть могутъ противъ Кубанцевъ, на которыя мѣста сперва нападеніе и на которыя потомъ здѣлать будетъ полезнѣе, какія при томъ мѣры и распоряженія нужны, и какъ лутче Калмыкамъ дѣйствовать, совокупно ли, или по растояніямъ,—все сіе представляется вашему разсмотрѣнію и соглашенію съ намѣстникомъ ханства, а предписывается вамъ только поступать сходно съ видами, выше сего изъясненными, но соображаясь при томъ и съ операціями нашей арміи, имѣющей быть подъ командою генерала аншефа графа Румянцова.

„Донскіе казаки, которые при всѣмъ необходимымъ войскъ нашихъ въ разныя стороны употребленіи, въ ихъ домахъ останутся, Калмыкамъ такъ же пособствовать будутъ, но надобно ли и имъ для того съ вами и съ калмыцкими войсками соединится или особливые поиски производить къ раздѣленію непріятельскихъ силъ и къ взаимному облежченію предпріятій, сей вопросъ вамъ же рѣшить останется, по сношенію съ Донскимъ атаманомъ, а по усмотрѣнію обстоятельствъ, того или другаго распоряженія требовать могущихъ.

„Сколько Кизлярскій комендантъ предуспѣетъ склонить къ военному дѣйствию противъ Турецкихъ подданныхъ изъ Кабардинцевъ, Кумыкъ и изъ свободныхъ и ни отъ кого независимыхъ горскихъ народовъ,—всѣхъ оныхъ къ вамъ же отправить, которымъ, какъ вступающимъ по своей волѣ въ нашу службу, оставитъ надобно будетъ, гдѣ и какъ они сами себя употреблять будутъ, размѣряя потому и дѣлаемое имъ награжденіе изъ суммы, Кизлярскому коменданту нынѣ назначенной, а ежели въ числѣ ихъ будутъ владѣльцы и знатные начальники, такимъ мы по вашему засвидѣтельствуванію, склонны и особливую нашу милость показать, для обязанности и впредь къ нашей сторонѣ.

„Что касается до непріятели, съ которымъ вы дѣло имѣть будете. ухватокъ его и образа воинствованія, достаточное вамъ свѣдѣніе подать въ состояніи Кизлярской комендантъ, по всегдашнему его съ тамошними народами обращенію, почему и рекомендуется вамъ, отправляясь въ походъ, употребить его совѣты, а и во время произвожденія поисковъ, съ нимъ сноситься, открывая ему ваши мысли и требуя его разсужденій. А свойство Калмыкъ опишетъ вамъ находящейся при ихъ дѣлахъ подполковникъ Кишенсковъ. Здѣсь столько

однако же неизлишно признавается дать вамъ знать, что Калмыки хотя при арміяхъ уже не однажды и находились, но предводителями ихъ были владѣльцы, которые въ командѣ всякаго генерала безъ затрудненія быть могли, а вы напротивъ того будете обращаться съ начальникомъ всего народа. Все дѣло, конечно, надобно, чтобъ отъ васъ зависѣло. Но надобно жъ при томъ сколько возможно щадить и нѣжность его честолюбія, то есть не отдавать ему приказовъ, которые не только его, но и владѣльцовъ и весь народъ могутъ привести въ уныніе и въ нерадѣніе, когда изъ того примѣтится, что онъ въ вашу волю преданъ. А вмѣсто того съ нимъ совѣтовать и приводить его нечувствительно къ исполненію пріемлемыхъ ваши намѣреній, употребляя къ тому и подполковника Кишенскова, какъ уже къ Калмыкамъ привычнаго.

„Когда Калмыки, по наружности, будутъ зависѣть отъ природныхъ ихъ начальниковъ, они больше сдѣлаютъ, нежели при всякомъ другомъ распоряженіи. Съ стороны подлыхъ привычка къ послушанію своимъ владѣльцамъ, а съ стороны владѣльцовъ желаніе получить отъ васъ похвалу и засвидѣтельствованіе о службѣ своей будутъ для нихъ побудительными причинами, при томъ ласковость, скромность и обхожденіе пристойное, смотря по лицу каждаго, пріобрѣтеть вамъ немедленно склонность и вообще отъ степного сего народа.

„Сверхъ упоминаемой выше сего копіи съ указа Кизлярскому коменданту, прилагается здѣсь же для вашего извѣстія и употребленія копіи съ отправленной нынѣ къ намѣстнику ханства грамоты, съ рескрипта къ астраханскому губернатору и съ указа къ подполковнику Кишенскову, такъ же до порученнаго вамъ дѣла принадлежащихъ; о чемъ о всемъ и нашей военной коллегіи знать дано, отъ которой и на Донъ нашъ указъ отправленъ будетъ, а равнымъ образомъ увѣдомленъ нынѣ и генералъ аншефъ графъ Румянцовъ.

„Мы не оставимъ во всемилостивѣйшее принять разсужденіе, когда сію службу съ успѣхомъ и пользою исправите.

„Что въ которое время у васъ будетъ происходить, имѣете доносить сюда немедленно чрезъ нарочныхъ курьеровъ, такъ же и къ генералъ аншефу графу Румянцову. Оставаясь при калмыцкомъ войскѣ чрезъ все то время, пока присутствіе ваше будетъ нужно; а послѣ того до другаго нашего указа въ Кизлярѣ или въ Астрахани. Данъ въ Санктъ-Петербургѣ 15-го Января 1769-го года.

„Екатерина.“

Слухи о готовящемся на Кубанцевъ нашествіи произвели внушительное впечатлѣніе не только на Кавказскихъ горцевъ, но и на Татаръ, находившихся въ Турецкомъ подданствѣ: Эдисановцевъ, Джембуйлуцкихъ и Малешашскихъ, которые кочевали въ степи, „предъ Крымомъ лежащей“, и коихъ турецкое правительство почему то намѣревалось перевести на Кубань.

Чтобы привлечь къ себѣ больше „вольныхъ народовъ“, одновременно съ посылкой Медуе рескрипта, было предписано астраханскому губернатору доставить въ Кизляръ 5 тыс. руб., главнымъ образомъ для награжденія послѣднихъ за поиски, „которые они вмѣстѣ съ Калмыками и здѣшними командами производить будутъ“.

Правительство особенно старалось переманить Кабардинцевъ, потому что они „во всѣхъ тамошнихъ народахъ за храбрость въ особливомъ почтеніи находятся“ и служили для прочихъ примѣромъ во всѣхъ политическихъ и культурныхъ начинаніяхъ.

Но въ то время, когда все, казалось, такъ было хорошо настроено, вдругъ (въ Декабрѣ 1768 г.), по распоряженію кизлярскаго коменданта Потапова, какой-то Моздокскій житель изъ крещеныхъ кабардинскихъ узденей (дворянъ) Павелъ Николаевъ захватилъ 24 тыс. барановъ, принадлежащихъ владѣльцами Кабарды, за то якобы, что князья эти не отдали принадлежащаго ему при переселеніи въ Моздокъ имущества, а официально мотивировался этотъ захватъ, какъ возмездіе за пропавшихъ 14 казаковъ и угнанныхъ 75 лошадей.

Хотя для разбора претензій былъ посланъ Кизлярскій ротмистръ Кирѣевъ, но дѣло не было окончено въ пользу владѣльцевъ, и они принесли жалобу сначала астраханскому губернатору, а потомъ просили содѣйствія намѣстника Калмыцкаго и подполковника Кишенкова. Въ своихъ письмахъ князья жаловались, что ген.-м. Потаповъ поступалъ съ ними „строго и сурово, не пріемля никакихъ представленій“.

Столь сильная и „весьма не ко времени“ придуманная репрессивная мѣра могла, конечно, легко „привести Кабардинцевъ въ развратъ“, и тогда пришлось бы для охраненія отъ ихъ набѣговъ Кизлярскаго края оставлять особыя войска, уменьшая размѣръ формируемой противъ Кубанцевъ калмыцкой экспедиціи.

„Кажется лутче бѣ вы сдѣлали,—писала 13 Февраля 1769 г. коллегія иностр. дѣлъ Потапову,—есть ли бѣ только легкіе способы употребляли, посылая къ нимъ нарочныхъ для увѣщанія, угроженія и изыясненія слѣдствій, изъ такихъ ихъ поступковъ, наконецъ, происходящихъ. А

потомъ, когда бѣ тѣмъ не предупѣли, оставалось по настоящимъ обстоятельствамъ, истребовать и здѣшней резолюціи, которая имѣла бѣ быть не иначе, какъ соображенная съ главнѣйшимъ въ разсужденіи ихъ предметомъ“.

Ему предлагалось настойчиво „какъ наискорѣе отвратить пристойнымъ образомъ происходяція съ ними затрудненія, довольствуясь хотя бы единственнымъ обѣщаніемъ, что они стараться имѣютъ отыскать здѣшнихъ людей, въ плѣненіи которыхъ на нихъ подозрѣніе наводится“.

„Возмездіе за бывшія ихъ продерзости совсѣмъ оставлено быть можетъ, когда они въ настояще нужное время къ здѣшней сторонѣ обратятся; а ежели, напротивъ того. послѣ всѣхъ употребленныхъ стараній приобрѣсть ихъ доброжелательство,—зломысленными пребудутъ, тогда только самая необходимость заставитъ съ нихъ начать уже и поиски для того, чтобы сколько нибудь предварить сообщеніе ихъ съ Кубанцами приведеніемъ въ нужду защищать себя дома; при чемъ тамошнему вашему усмотрѣнію предоставляется, неможно ли будетъ при такомъ противномъ ихъ мыслей расположеніи и всѣ тѣ ихъ мѣста сильными заставами захватить, чрезъ которыя, по ихъ попущенію, понынѣ Кубанцы къ Кизляру набѣги дѣлали.

„Но чаятельно, что Кабардинцы, которые и сами ищутъ теперь приняты быть въ протекцію Ея Императорскаго Величества, когда услышатъ о высочайшемъ повелѣніи, о бѣгающихъ отъ нихъ холопяхъ воспослѣдовавшемъ, удовольствованы будутъ возвращеніемъ захваченнаго отъ нихъ скота, и тѣмъ духи ихъ успокоятся,—по большей части всѣ къ здѣшней сторонѣ прилѣпятся, и на прежнее ихъ жилище къ Баксану переселятся, а потому и нужды не будетъ имѣть отъ нихъ предосторожность и опасеніе“.

Волненіе среди нихъ нашло себѣ откликъ въ правителяхъ Калмыцкаго народа. Намѣстникъ Убаши опасался въ виду этого переводить улусы на Нагорную сторону Волги, полагая вполне резонно, что, враждебно настроенные противъ Россіи, они могутъ легко разграбить ихъ въ то время, когда остальное войско уйдетъ въ походъ на Кубань. Вслѣдствіе этого Убаша просилъ „министра“ графа Панина сдѣлать съ Кабардою примѣреніе. Пришлось поэтому писать и ему пространное письмо, чтобы убѣдить въ твердомъ намѣреніи Россіи сокрушить не только Кубанцевъ, какъ подданныхъ турецкихъ, но другихъ ихъ помощниковъ, даже и кабардинцевъ:

„Всепресвѣтлѣйшія, державнѣйшія, великія Государыни Императрицы и Самодержацы Всероссійскія вѣрной намѣстникъ Ханства Калмыцкаго Убаша.

„Находящійся при васъ подполковникъ Кишенековъ доносилъ сюда, что вы съ Калмыцкими владѣльцами и учрежденными въ общенародномъ правительствѣ судьями, положили всѣ улусы для лутчей безопасности съ Горной на Луговую сторону Волги переправить по льду, а самими съ войсками остаться на Горной сторонѣ; для немедленнаго въ походъ выступленія, куда будетъ повелѣно, что однако же вы просите, чтобъ, при первомъ случаѣ, въ другія стороны изъ Калмыцкаго войска не отлучать, для толь удобнѣйшаго превозможенія непріятели въ вашемъ сосѣдствѣ, то есть на Кубани находящагося, о которомъ все предварительно не знаете,—сколь силенъ быть имѣеть,—а сами вы присланнымъ сюда представленіемъ испрашиваете позволенія розмѣнить захваченныхъ Татарами напредъ сего нѣсколькихъ Калмыкъ, на звѣриной ловлѣ бывшихъ, взятыхъ въ плѣнъ отъ Татаръ осемью человекъ и еще повелѣнія, какимъ образомъ поступать съ Кабардинцами.

„Отправленнымъ къ вамъ Ея Императорскаго величества указомъ, отъ 15-го Генваря, имянно и точно предписано: всему калмыцкому народу и съ улусами, впредъ до другаго указа, остаться на Горной сторонѣ. Вы и должны потому непремѣнное исполненіе чинить.

„Основанія, требующія, при настоящей съ Портою Отоманскою войнѣ, пребыванія Калмыцкаго народа на сей сторонѣ и которыя въ помянутомъ указѣ довольно изъяснены,—всѣ необходимы и всѣ важны,—зависитъ отъ того прикрытія пограничныхъ мѣстъ безпрепятственное калмыцкихъ войскъ, куда ни понадобится, употребленіе и ближайшіе способы къ прокормленію тѣхъ, которые противъ Кубанцевъ дѣйствовать будутъ. Но, переправляя улусы на луговую сторону, надлежало бѣ отдѣлать для охраненія ихъ отъ Киргизъ-кайсакъ нѣсколько способныхъ людей; къ тому жѣ, по причинѣ великаго Волги въ лѣтнее время наводненія, и удобства не было бѣ къ полученію потребныхъ съ луговой стороны на пищу припасовъ; вмѣсто того, что, при расположеніи всего народа на одной сторонѣ, взаимное произойдетъ способствованіе; а что не трудно сіе исполнить,—доказывается примѣромъ, бывшимъ при Хавѣ Дондукъ Омбѣ, которой, во все продолженіе послѣдней войны, не переходилъ на Луговую сторону.—Опасность же, чтобъ улусы не подвержены были непріяельскому отъ Кубанцевъ нападенію, конечно, меньше той, какой они

подвержены быть могли бѣ на Луговой сторонѣ отъ Киргизъ-кайсака. Кубанцы заняты будутъ собственно противъ Калмыцкихъ войскъ обороною; а въ такое время, когда поисковъ противъ нихъ производимо не будетъ, въ улусахъ довольно быть имѣть людей къ учиненію имъ сопротивленія. Но на Луговой сторонѣ малолюдство, при улусахъ оставленное, сдѣлаетъ Киргизъ-кайсакъ и поползновенными и не можетъ отвратить вреда. ими причиняемаго, а употребленіе къ тому великаго числа напрасно ослабило бѣ ваши силы противъ настоящаго непріятели.

„Такія уваженія, хотя бы вы и повелѣнія отъ Ея Императорскаго Величества не имѣли, долженствовали васъ склонить остаться на Горной сторонѣ. Желаніе ваше, чтобъ Калмыцкія войска при первомъ случаѣ никуда отлучены не были, происходитъ, какъ видно, отъ того, что вы единственно заботитесь о разрушеніи непріятельскихъ силъ, которыя на Кубани быть могутъ; но извѣстно, что онія отнюдь теперъ не велики до сей сторонѣ; и Калмыки, конечно, въ состояніи найдутся и отправленіи, во исполненіе даннаго вамъ отъ 31 Декабря минувшаго года Ея И. В-ва указа, двадцати тысячъ къ арміи, состоящей подъ командою господина генералъ-аншефа графа Румянцова, съ успѣхомъ произвести поиски противъ Кубанцовъ, особливо при подкрѣпленіи, чинимомъ имъ отъ російскихъ командъ, которыя и пушками снабжены будутъ; а назначеніе Калмыцкаго войска двадцати тысячнаго числа къ арміи основывается, напротивъ току, на общемъ планѣ, какой о произведеніи противъ непріятели во всѣхъ сторонахъ и въ одно время военныхъ дѣйствъ постановленъ, и по которому признано за нужно привести ген.-анш. гр. Румянцова въ состояніе многія непріятельскія силы занять, чѣмъ самымъ находящіеся нынѣ на Кубанѣ, Татара способовъ и лишатся имѣть отъ Крыма помощь и подкрѣпленіе.

„Послѣ сего изъясненія, безъ сумнѣнія, признаете вы и сами, по вашему благоразумію, что въ томъ отнюдь не можно сдѣлать отмѣны, потому что такая, какъ происходящая отъ предпочтительнаго уваженія одного края предъ другимъ, была бѣ нашему плану. отъ Ея И. В-ва установленному, несоотвѣтствующая, но, раздробляя оной, препятствовало бѣ дѣйствительному по немъ исполненію, несмотря на то, что отъ него цѣлаго единственно повсейственные (sic) успѣхи войны зависятъ.

„Что касается до испрашиваемаго вами дозволенія о раздѣлѣ плѣнниковъ между Татаръ Калмыкъ, то, хотя на то вамъ и дозволяется,

однако же непрежде, какъ при наступленіи будущей зимы, когда производимые противъ Кубанцевъ въ настоящемъ году поиски окончатся, дабы инако непріятель не могъ свѣдать о употребляемыхъ противъ его силахъ и другихъ обстоятельствахъ, которыя скрывать нужно. Между тѣмъ можете вы татарскихъ плѣнниковъ содержать и подъ собственнымъ Калмыцкимъ присмотромъ.

„О Кабардинцахъ не могу вамъ сказать точно, благонамѣренными ли они или противными останутся; уповаю однако же, что предызберуть первое. Собственная ихъ польза и цѣлостъ того отъ нихъ требуютъ. Сверхъ того, сколько можно было, уже по ихъ прошеніямъ здѣлано и свисхожденіе, о чемъ и отправленъ Ея І. В-ва указъ къ Кизлярскому коменданту.

„Есть ли склонятся они потому вступить по прежнему въ покровительство Ея І. В-ва и отъ сообщества кубанцовъ отстануть,—не должно будетъ ихъ беспокоивать ни Россійскими, ни Калмыцкими войсками, а въ противномъ случаѣ останется не дѣлать имъ никакой пощады, но поступать, какъ съ непріятелями.

„Васъ увѣдомить Кизлярской комендантъ, какое намѣреніе они наконецъ воспріимуть. а между тѣмъ можете вы и сами постараться привести ихъ вашимъ увѣщаніемъ къ тому, чтобъ они предварили угрожаемое имъ бѣдствіе, которое будетъ неминуемое, когда развратныхъ мыслей не покинуть.

„Ея І. В-во, имѣя особливое къ вамъ благоволеніе, въ разсужденіи уже бывшихъ понынѣ вашихъ поступокъ, всемилостивѣйше дозволяетъ вамъ въ знакъ того вздеть (sic.) на себя портретъ блаженныя и вѣчнодостойныя памяти Г-дрни Императрицы Елисаветы Петровны, отцу вашему пожалованный, который и будете вы носить въ восполненіе вѣрной и усердной его службы,—но имѣя, при настоящихъ обстоятельствахъ. и собственные способы оказать, по всеподданнѣйшей должности вашей, такія Ея І. В-ву услуги, чтобъ за оныя удостоиться и самому по себѣ всевысочайшей Ея І. В-ва отличной милости.

„Я пребываю въ протчемъ вамъ доброжелательнымъ.

„Гр. Н. Панинъ.

„Ея І. В-ва дѣйствительный тайный совѣтникъ, Г-дря Цесаревича и великаго князя оберъ-гофмейстеръ, сенаторъ, дѣйствительный камеръ геръ и обоихъ Россійскихъ орденовъ кавалеръ.“

„Въ Санктпетербургѣ 13 Февраля 1769-го года“.

Однако, несмотря на эти завѣренія, петроградскій дворъ все таки очень беспокоился происшедшей ссорой съ Кабардинцами, „издревле державшимися Всероссійской имперіи, не исключая себя изъ здѣшняго подданства и во время бывшаго съ Портою трактата“.

Потапову былъ посланъ третій указъ (11 Марта) приложить всѣ старанія къ примиренію съ ними, удовлетворя ихъ притязанія, особенно возвратомъ скота.

Если бы даже говорилось ему, „при всѣхъ оказываемыхъ имъ снисхожденіяхъ, не предупѣлось всѣхъ владѣльцовъ преклонить на здѣшнюю сторону, но въ томъ и нужды нѣтъ. Довольно будетъ, ежели нѣкоторые при первомъ случаѣ предъявятъ къ тому склонность, которыхъ примѣру потомъ и другіе послѣдовать могутъ; тѣмъ больше, что весь подлый народъ, какъ извѣстно, весьма неохотно видитъ, что теперь ихъ владѣльцы мнутъ. А когда вы вѣрныхъ прямо къ здѣшней сторонѣ изъ владѣльцевъ возможете отъ противныхъ отдѣлить, тогда съ сими послѣдними и по непріятельски поступить ничто уже не воспрепятствуетъ“.

Склоненіе ихъ къ дружелюбію необходимо было въ открывшуюся войну потому, что обѣ Кабарды, находясь между турецкими по Кубани и Черноморскому побережью и русскими на Тереку владѣніями, служили какъ бы заслономъ для задержанія набѣговъ закубанскихъ Татаръ въ наши пограничныя поселенія. И такимъ образомъ, при желаніи, Кабардинцы могли воспрепятствовать вторженію турецкихъ войскъ въ наши предѣлы со стороны Моздока. Но, видимо, сдѣланныя послабленія не удовлетворили ихъ. Въ Апрѣлѣ 1769 г. Кубанскіе Татары начали наступленіе именно отсюда. Медленно подвигавшіеся на Монычъ съ своими улусами, стадами и пожитками Калмыки не успѣли подойти къ этому времени. Кубанцамъ далъ отпоръ отрядъ Медема изъ драгунъ съ волжскими, гребенскими и терскими казаками. Только въ Іюлѣ Убаши соединившись съ послѣдними, нанесли окончательное пораженіе туземнымъ ордамъ, пройдя всю ихъ землю. Побѣдителямъ досталось болѣе 30-ти головъ скота и много плѣнныхъ изъ Кубанскихъ салтанаульскихъ Татаръ.

П. Юдинъ.

